

УДК 323.38

DOI: 10.17223/1998863X/35/19

А.М. Колядин

**«ГРУППА ИНТЕРЕСОВ» ПРОТИВ «ЭЛИТЫ»:
ТЕОРИЯ А. БЕНТЛИ В КОНТЕКСТЕ ВЗГЛЯДОВ ЭЛИТИСТОВ
(Г. МОСКА, В. ПАРЕТО, Р. МИХЕЛЬС)**

Освещаются основные направления заочной полемики между А. Бентли, одного из родоначальников теории «групп интересов», и традиционными исследователями-элитистами. Производится попытка согласования фундаментальных позиций различных авторов для выведения некоего интегративного определения современной политической элиты и ее значения в обществе.

Ключевые слова: элита, группа интересов, политическая мысль, элитизм, плюрализм.

Несмотря на то, что категория «политическая элита», широко используемая в гуманитарных дисциплинах, до сих пор не имеет конвенционального определения, она широко обсуждается в научном мире и прочно связана с целым рядом сложных вопросов практической политики. Особый интерес в связи с этим вызывает соотнесение идей плюралистов, таких, к примеру, как А. Бентли, с классической элитистской теорией, представленной Г. Москкой, В. Парето и Р. Михельсом. Какие противоречия и точки соприкосновения существуют между этими позициями? Насколько они применимы к современному социологическому и политическому анализу? Каждый из этих вопросов заслуживает отдельного внимания.

С позиций современной политической теории можно утверждать, что в самом общем виде политическая элита – это немногочисленная группа, занимающая лидирующую позицию в политическом процессе и на основе профессиональных критериев и собственной квалификации осуществляющая политическую или государственно-управленческую деятельность. На этом уровне она де-факто монополизирует в своих руках ключевые ресурсы и полномочия в обществе, определяя стратегию развития и оказывая влияние даже на конфигурацию социальных интересов и предпочтений, в т.ч. через непосредственное участие в выражении этих интересов и регулировании баланса сил. Кроме того, элита отвечает за воспроизводство и переоценку коллективных ценностей [1. С. 120].

Однако формированию такого общего представления – по большей части, функционально, а не сущностно ориентированного, – предшествовали интенсивные дискуссии и многочисленные разночтения в интерпретации термина. Сходясь в представлении об обособленности элиты или управленческого сообщества, исследователи чаще всего расходятся во мнениях относительно критериев отбора и рекрутинга состава этой социальной группы, характера ее обособленности и пр.: для элитистов члены группы так или иначе увязываются с концептом лидерского "возвышения", для функционалистов или плюралистов – скорее с теорией конститuentов [2] или структурной конфигурацией политического процесса.

Для традиционной элитистской теории формирование такого сообщества так или иначе было связано с сюжетами «избранности» или значимых отличий: меньшинство, обладающее уникальными характеристиками или ресурсами, выделялось не только в политической среде, но и в культуре, спорте, науке и пр. Вне зависимости от сферы или отрасли элита обладала высокой организованностью и авторитетом, которые гарантировали ей сохранение уникальной позиции и уникального же статуса.

Итальянский социолог В. Парето выделял два критерия типологизации элит: для него она, во-первых, разделялась на элиту правящую и элиту «не правящую», а во-вторых, дробилась на представителей-«львов» и представителей-«лис» [3. С. 43]. Первый критерий обозначал то, что не все участники элитарных групп обладают равным доступом к ключевым институтам и структурам государственной власти; второй знаменовал отличие в технологиях, используемых для действий внутри и вне элитарных групп. «Львы», в представлении Парето, склонны к инновациям, решительным действиям, авантюризму (но в пределах консервативных идеологических конструкций), а также жестким техникам администрирования; «лисы» же наиболее ярко проявляют себя в нестабильных ситуациях, осторожны, склонны к манипуляциям, популизму и тайным соглашениям. В зависимости от общественной и политической конъюнктуры каждый из типов элиты усиливается или ослабляется, находясь с другими в состоянии более или менее устойчивого равновесия.

Кроме того, Парето предполагал, что стабильность и равновесие в политическом процессе достигается лишь при условии постоянной смены элиты: каждая элита обладает определенным «жизненным циклом», по завершении которого уступает свои статусные позиции. Вся история человечества, в представлении итальянского социолога, – это история постоянной элитарной ротации: одни лидеры и вожди сменяют других, сословия уступают место другим сословиям, и в результате цикличности достигается не только баланс сил, но и прогресс социальных отношений.

По представлениям Г. Моски, выделявшего в общественном пространстве даже не элитарные группы, а сравнительно монолитный «политический класс», его развитие предопределяется двумя одновременно наличествующими тенденциями: аристократической и демократической.

Первый тренд, аристократический, заключается в стремлении представителей политического класса зафиксировать достигнутое господство и обеспечить его воспроизводство даже в поколенческом измерении, передав власть своим потомкам или хотя бы преемникам: *«Все правящие классы стремятся стать наследственными если не по закону, то фактически»* [4. С. 296]. Демократическая же тенденция, сохраняющая некое равновесие противоположных по своей направленности сил, представляет собой перманентный «социальный лифт» наиболее выдающихся представителей управляемого класса в класс политический – таким образом, происходит стабилизация и качественное обновление элиты, повышающее ее адаптивные способности.

Г. Моска предполагал, что наряду с профессиональными компетенциями и знаниями, существенно влияющими на принадлежность человека к корпусу политического класса, сплоченность последнего достигается также благодаря имеющейся внутренней структуре и культурному единомыслию. Развивая традицион-

ную для элитистских представлений «теорию черт», представляющую необходимые для представителя элиты (или политического класса) качества, Моска выделял три ключевые характеристики: для него это были военная доблесть (1), богатство (2) и некая сакральность, священность (3). В этом отношении Моска не производил редукции: сакральностью могли обладать не только священники, но и ученые, а богатство, к примеру, могло быть связано с элитарной позицией и обратной связью – когда богатство было производной, а не первообразной находения в составе политического класса («богатство создает политическую власть точно так же, как политическая власть создает богатство» [5. С. 188]).

В значительной степени Моска предвидел многие куда более поздние концепции элиты, опередив своих коллег и современников. Выделяя впоследствии внутри политического класса специфическую группу класса «правящего», Моска наделял последний особой формой самосознания и самоидентификации – «политическим сознанием». Для него это самосознание выражалось, в первую очередь, в возможности класса обозначить некую «формулу правления» – ключевую идею, при помощи которой будет достигнута необходимая легитимность и социальный гомеостазис. Кроме того, «политическое сознание», в отличие от факта обладания материальными благами (к примеру, средствами производства), позволяло более эффективно решать внутригрупповые конфликты – именно самоидентификация политического класса была основой для достижения соглашения и компромиссов. Моска, в отличие от В. Парето или Р. Михельса, придавал куда большее значение не личностным качествам, а достигнутому коллективному опыту, сформированной «классовой культуре», некоему чувству «призвания» и «долга» (похожих на те явления, которые описывал Х. Ортега-и-Гассет).

Немецкому социологу Р. Михельсу принадлежит авторство своеобразного общественного закона, ныне известного как «железный закон олигархии» или «железный закон олигархических тенденций». В представлении его автора, данное правило указывает на устойчивый тренд любых форм политической организации трансформироваться от демократических образцов к авторитарным: по мере уточнения полномочий, распределения ресурсов и ответственности в структуре появляются командные органы и руководящее ядро, которые, по сути, представляют собой ту же самую «олигархическую», или элитарную группу. Так, особые привилегии и prerogatives получают партийная верхушка, университетские руководители и ведущие чиновники.. Отсюда и выводится пессимистичная максима: сама *«организация порождает господство избранных над теми, кто их избирает»* [6. С. 57].

По мнению Михельса, де-факто любая политическая система для воспроизводства и стабилизации должна обладать четко структурированной бюрократической организацией, выведенной, кроме прочего, из традиционных электоральных циклов (в этом отношении взгляды Михельса были сходны с «политико-административной дихотомией» В. Вильсона). Наличие подобных обстоятельств может способствовать стремительной «консервации» политических верхов и перерождения их в полунаследственную элиту, приватизирующую имеющиеся институты: обособленная группа постепенно начинает рассматривать власть в качестве своего уникального и неотчуждаемого ресурса. Общество же, рассматриваемое Михельсом через призму неорганизо-

ванных и некомпетентных «масс», неспособно к самостоятельной политической деятельности, и именно эта инертность дает дополнительное основание для олигархических трендов в руководстве [6. С. 60].

Радикальный взгляд Михельса, впрочем, частично совпадает с взглядами его старшего коллеги и отчасти учителя Г. Моски: олигархическое обособление требует от политиков функциональной специализации и действительно значимых особых компетенций, которые позволяют закрепить преимущество, имеющееся у элиты в результате пассивности и инертности ее окружения. Однако эти навыки и способности для Михельса означают и то, что на их основе группа руководителей обособляется, формирует особую зону контактов и связей, изолируется от остального общества [7. С. 103].

Общим представлением трех названных авторов было то, что формирование элиты – «львов» и «лис», политического класса или олигархических групп – происходит естественным образом и опирается, тем самым, на сущностные характеристики самого общества. Какими бы уникальными качествами не обладала элита, теория черт в применении к ней обладает одним важным нюансом – люди с выдающимися характеристиками обособляются в силу естественного хода вещей, природы человеческой самоорганизации и коллективных институтов.

В отличие от элитистов, представители плюралистического направления политической теории полагают, что подобный посыл лишь частично применим к социальной реальности. Плюралистическая интерпретация действительно ограничивает некое классическое видение демократического политического участия, однако не с позиций взаимоотношений «элиты» и «массы», а с точки зрения того, что защита интересов осуществляется специфическими «группами давления», которые агрегируют и артикулируют имеющиеся взгляды, формируя полицентричные властные отношения. Человек по отдельности действительно ограничен многими факторами, но группа как результат деятельности некоторого числа индивидов способна преодолеть эти ограничения: сущностные характеристики политического участия, таким образом, действительно вбирают в себя некие коллективистские и стратификационные идеи, но в позитивном для человека и общества ключе.

Так, один из классиков плюрализма А. Бентли предполагал, что именно группа, а не отдельная личность, является основным участником социальных отношений, в результате чего политику стоит воспринимать и как процесс, и как результат взаимодействия различных сообществ. Под «группой давления» Бентли понимал «такое объединение граждан», которое следует рассматривать *«не как абстрактную физическую единицу общества, а как массовую деятельность»*, задаваемую коллективно разделяемым интересом (*«нет такой группы, у которой не было бы своего интереса»*) [8. С. 221–222]. Политический процесс и даже государственное управление представляют собой, по сути, постоянное и устойчивое взаимодействие или столкновение различных сообществ, защищающих свои интересы: *«Осуществляется давление олицетворяемых ими общественных сил на политико-административные институты с целью принудить их подчиниться воле указанных групп интересов»* [9. С. 48].

Для Бентли и других плюралистов несомненным представляется феномен циркуляции и ротации властвующих, но вызван он не внутренними отноше-

ниями внутри обособленной (и уж тем более естественно обособленной) группы, а общей социальной конъюнктурой, которая серьезно влияет и на обсуждаемые вопросы, и на влияние тех или иных групп давления, и на распределение ресурсов. Именно взаимодействие разнообразных групп порождает структуру политического властвования, динамику общественных отношений, механизмы государственного администрирования и пр.

Неотъемлемым элементом анализа заочной полемики элитистов и плюралистов должен, бесспорно, являться исторический контекст, который, так или иначе, предполагает наличие «групп давления» в обществе более современном и динамичном, нежели характеризующееся сословно-элитарными механизмами. Вместе с тем элиты как категория анализа используются и сегодня, хотя, пожалуй, феномен «групп давления» является объективным признаком усложнения социальной структуры и социальной стратификации; главным основанием для этого являются, по всей видимости, имеющиеся у населения ценностные ориентации и установки политической культуры.

Бесспорно, группы давления характеризуются большей степенью удаленности и достаточно низкой (в сравнении с элитой) интенсивностью контактов с формальными государственными институтами. «Элита» выступает сегодня как не вполне определенная категория лиц, находящихся в ближнем окружении политических лидеров, – категория скорее номинальная, нежели реальная, категория, не обладающая теми признаками, которыми наделял ее, к примеру, Г. Моска. Бесспорно, потенциал влияния на политические и государственные решения у представителей такого рода «элиты» выше, но «группы давления» институционально (пусть даже не всегда в формальном отношении) устойчивее, и хотя они больше разделяются по отраслевым сегментам, чем влиятельные «латентные администраторы» элиты, тем не менее их действия более измеримы, прогнозируемы и системны.

Как и полагается номинальной группе, «элита» не включает в себя «группы давления» в полном составе, даже если на уровне обывательского восприятия те или иные отраслевые круги («семибанкирщина») обладают подобным влиянием. Внутри «групп давления», надо полагать, также действует «железный закон олигархии» Р. Михельса: в «элиту» включаются только наиболее яркие формальные или неформальные лидеры группы, и эта точка соприкосновения является еще одной интересной смычкой элитистских взглядов и современного плюрализма.

Дело в том, что важной характеристикой, объединяющей «группы давления» и политическую элиту, является корпоративистское начало – означающее, как минимум, наличие у обособленного сообщества более или менее развитых форм самоидентификации и самосознания. В современных условиях «элита» обладает куда меньшей степенью выраженности этого ценностного начала, нежели «группа давления», – отчасти в силу временного (неустойчивого) характера, отчасти в силу только рациональных соображений (в то время как «группы давления» часто приобретают вид объединенных близкими убеждениями «коалиций поддержки», как их описывал П. Сабатьер) [10]. Это ограничивает ее структурное воспроизводство и серьезно снижает сам вес «элиты»: именно отсутствие самосознания не позволяет политическому истеблишменту переродиться в качественно «реальное» сообщество.

Это отличие крайне важно для современного политического анализа, причем как в теоретическом, так и в прикладном отношении, – разница в применении понятий «элиты» или «группы давления» как исследовательской категории приводит к неоднозначным результативности и валидности различных разработок. Научно значимые и инновационные результаты в современных гуманитарных исследованиях должны быть неразрывно связаны с качественными, наукоемкими и актуальными инструментами – каковым в настоящее время, по всей видимости, является плюралистическая интерпретация политического процесса, а не классический элитизм.

Литература

1. Макарин В.А. Факторы устойчивости российской политической элиты // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета, серия 6 Политология. Международные отношения. 1998. № 3(20). С. 118–121.
2. Fiedler F.E. *Leadership*. New York: General Learning Press, 1971.
3. Ашин Г.К. Современные теории элиты. М.: Международные отношения, 1985.
4. *Политология: хрестоматия* / Под ред. М.А. Василика. М.: Гардарики, 2000.
5. Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 187–197.
6. Михельс Р. Необходимость организации // Диалог. 1990. № 3. С. 55–60.
7. Малинкин Н. Теория политической элиты Р. Михельса // Социологический журнал. 1994. № 3. С. 97–117.
8. Bentley A. *The Process of Government*. Cambridge: Cambridge University Press, 1967.
9. Шапиро И. Демократия и гражданское общество // Полис. 1992. № 4. С. 45–51.
10. Соловьев А.И. *Принятие и исполнение государственных решений*. М.: Аспект пресс, 2014.

Kolyadin Andrei M. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

E-mail: andy@list.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 19

"INTEREST GROUPS" VERSUS "ELITE": THEORY OF A. BENTLEY IN THE CONTEXT OF CLASSIC ELITIST VIEWS

Key words: elite, advocacy group, political thought, elitism, pluralism

In this article author tries to highlight the main areas of extramural discussion between the views of A. Bentley, one of the founders of the theory of "interest groups" (advocacy groups), and the traditional position of elitist researchers. Author tries to harmonize the fundamental positions of the various authors to derive some integrative definition of modern political elite and its social role & position.

References

1. Makarin, V.A. (1998) Faktory ustoychivosti rossiyskoy politicheskoy elity. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, seriya 6 Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya – Vestnik of Saint-Petersburg University. Political Science. International Relations*. 3(20). pp. 118–121.
2. Fiedler, F.E. (1971) *Leadership*. New York: General Learning Press.
3. Ashin, G.K. (1985) *Sovremennye teorii elity* [Modern theories of elite]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
4. Vasilik, M.A. (ed.) (2000) *Politologiya* [Political Science]. Moscow: Gardariki.
5. Moska, G. (1994) *Pravyashchiy klass* [The ruling class]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 10. pp. 187–197.
6. Michels, R. (1990) *Neobkhodimost' organizatsii* [The need for the organization]. *Dialog*. 3. pp. 55–60.
7. Malinkin, N. (1994) *Teoriya politicheskoy elity R. Mikhel'sa* [The theory of the political elite by R. Michels]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 3. pp. 97–117.
8. Bentley, A. (1967) *The Process of Government*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Shapiro, I. (1992) *Demokratiya i grazhdanskoe obshchestvo* [Democracy and Civil Society]. *Polis*. 4. pp. 45–51.
10. Soloviev, A.I. (2014) *Prinyatie i ispolnenie gosudarstvennykh resheniy* [Adoption and implementation of government decisions]. Moscow: Aspekt press.